

ПЕЙЗАЖ В БОБОВОМ ЗЕРНЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ЛОГИКИ И ТЕКСТЫ

А. Г. КИСЛОВ

ЕКАТЕРИНБУРГ

Язык твой — язык Орфея наоборот...
Эсхил. Агамемнон

Исследователей повествования, ищущих в локальных текстах следы глобальной структуры единого Текста-Оригинала, Ролан Барт сравнил с буддистами, которым силою аскезы «удается в одном бобовом зерне разглядеть целый пейзаж»¹. Ценой тому становится утрата текстом специфичности, только не как индивидуальности, а как некоторого, возобновляющегося в каждом новом тексте, атрибута. Альтернатива этому следующая: «...попытаться воссоздать текст, но воссоздать не в его индивидуальности, а в его игровом движении ... подчинить некоей базисной типологии текстов, процедуре оценивания»². Эта процедура связана не с наукой, не с идеологией и не с чем-нибудь подобным им, а только лишь с практикой письма. Можно просто читать текст, отвергнув его прочтением («заурядным референдумом»), или **наоборот** — спросить себя: «...какие тексты мне самому хотелось бы написать (пере-писать), возжелать, утвердить в этом мире (ведь это *мой мир*) в качестве действенной силы?»³. Таким образом, здесь *текст-чтение*, или **классический текст**, уступает подлинной ценности — *тексту-письму*, «потому что смысл литературной работы (литературы как работы) в том, чтобы превратить читателя из потребителя в производителя текста»⁴. Но достаточно ли этого «**наоборот**» в качестве основания для базисной типологии текстов?

Ролан Барт призывает понять значимый повествовательный текст в его множественности, т. е. как **неклассический текст**. Стоит напомнить, что оппозиция **классический/неклассический** (*чтение-письмо*) на внутреннем (онтологическом) уровне текста-содержания предваряется у Барта такой же оппозицией на внешнем (гносеологическом) уровне анализа-утверждения: а именно — *подведение-воссоздание* текста.

Такая комбинация внутреннего и внешнего уровней характерна для современной аналитической культуры⁵, именно она лежит в основе одного из подходов к классификации неклассических логик: как внутренний (т. е. связанный с объектами, свойствами и событиями) онтологический, так и внешний (т. е. связанный с истинностной оценкой, характером отношения следования) гносеологический уровни могут быть классическими или неклассическими во всех возможных сочетаниях. Не это ли та самая множественность, утверждаемая Бартом, к которой должен привести подлинный анализ подлинных текстов? Однако неклассичность логик имеет некоторую базисную типологию, наша задача — обосновать эту типологию и на уровне текстов.

Логики

Нас интересует прежде всего логический анализ повествовательного текста: анализ следствий внутри самого текста, т. е. интралитературные рассуждения, и следствий из текста, т. е. экстралитературные рассуждения. В основе каждого такого анализа лежит, явно или скрытно, некоторая система принимаемых форм умозаключений, традиционно называемая логикой. Базисная типология этих логик (логических стилей, подходов) определяет и соответствующую типологию металитературоведческих исследований.

Классические логики в качестве ценностей рассматривают определенность, последовательность и непротиворечивость рассуждений, что выражено в так называемых классических законах логики: тождества, исключенного третьего и непротиворечия. Эти законы-требования, по меньшей мере, до первой половины XX века прочно обеспечивали именно классической логике место универсального и фундаментального метода в европейской культуре, однако выполняются они только при наличии следующих оснований:

- онтологического характера: конечная и дискретная предметная область;
- гносеологического характера: наличие процедуры разрешения, т. е. агент рассуждения за конечное число шагов может провести проверку, истинно это высказывание или нет.

Стоит согласиться, что столь жесткие требования если и выполняются, то крайне редко, и толь-

ко в содержательно бедных случаях. По сути, здесь предполагается уже актуальное существование какой-то универсальной структуры, подведение под которую и реализует смысл анализа текста. Локальные тексты, в этой ситуации, лишены специфичности, они лишь свернутые, ущербные проекции Текста-Оригинала, лишь тени платоновской пещеры сознания.

Отказ от такого подведения под Оригинал предполагает у Барта обращение к исследованию-воссозданию текста в его динамической специфичности. Отказ от классических законов логики приводит в XX веке к построению систем неклассической логики: Н. А. Васильев⁶ — паранепротиворечивые (параконсистентные) логики, Л. Брауэр⁷ — интуиционистские (после — конструктивные) логики, Я. Лукасевич⁸ — многозначные (поливалентные) логики.

Интуиционистские логики отказываются от закона исключенного третьего, предполагают бесконечные или нечеткие предметные области, а также — истинностнозначные провалы или поливалентность оценок. Такой анализ не использует в полной мере косвенные рассуждения, т. к. существование универсальной структуры предполагается только потенциально. Категория существования вообще приобретает конструктивный характер: нечто (например, событие) имеет место только тогда, когда задан алгоритм его построения (достижения). Локальные тексты, при таком подходе, в своем множестве образуют снова и снова воссоздающуюся структуру Текста-Оригинала, специфичность таких текстов — атрибут трансформирующийся.

Паранепротиворечивые логики отказываются от закона непротиворечия, они терпимы к противоречиям различного рода: к противоречивым, а потому тождественно ложным высказываниям; к противоречию в рассуждении, когда имеется хотя бы пара противоречивых высказываний, каждое из которых истинно, и др. Эти логики не исключают возможность пресыщенных истинностнозначных оценок. В классической логике противоречие в повествовании делает следование тривиальным, ибо «из лжи следует все что угодно» (один из принципов схоластики). Противоречивый текст с классической точки зрения становится сверхполным, т. е. любое правильно построенное выражение становится законным следствием из него. Паранепротиворечивая логика избегает тривиальной сверхполноты, противоречие не всегда разрушает текст, а иногда и приводит к его подлинной специфичности. Намерение соответствующего анализа — сделать текст проблемным, столкнуть его с самим собой. Локальный текст, содержащий противоречие, может сыграть при таком исследовании сложную роль Текста-Оригинала для своих взаимоисключающих фрагментов, со всеми следующими из этого аналитическими сюжетами.

Сочетание свойств интуиционистских и паранепротиворечивых логик, безусловно, возможно и естественно — за счет отказа от требований законов исключенного третьего и непротиворечия. Указанные типы логик двойственны между собой, их сочетание порождает тип логик, двойственных классическим. Здесь классическая однозначность работает *наоборот*, рождается вывернутая наизнанку однозначность: немонотонность, релевантность и др. Однако дальнейшие уточнения уведут нас от уже указанной базисной типологии: все классические логики похожи друг на друга, каждая неклассическая логика неклассична по-своему.

Тексты

То, что анализ текста не универсален, как и то, что он зависит от характера самого текста, — конечно, трюизмы, но трюизмы, неотрефлексированные в полной мере с точки зрения современной аналитической культуры. Внешний уровень многообразия аналитических подходов к исследованию повествований дополняется многообразием внутреннего уровня содержательных структур текстов. Мы имеем следующую базисную типологию текстов, в которой, однако, ни один из этих типов не выдвигается в качестве абсолютной ценности.

Текст-чтение (классический текст) есть «то, что можно прочесть, но невозможно написать»⁹. Уже случившаяся структура фиксированного текста. Причем эта структура не подлежит изменению, и в этом ее ценность — в практике возвращения к сохраненному тексту. Миры, конституируемые такими текстами, подлежат полному и непротиворечивому описанию, их события сплетены в структуру, соотносимую с булевой алгеброй¹⁰: спокойно сосуществуют все виды событий, в том числе и пустое, и универсальное события.

Текст-письмо (интуиционистский текст) есть то, что можно прочесть и переписать. Структура с продолжением вечно трансформирующегося текста. Ценность — именно в потенциальной конструктивности, в практике написания текста. Описание миров здесь непротиворечиво, но не полно, структура событий соотносима с алгеброй Хао Вана: обессмыслено универсальное событие, сколько не объединяй множество всех частных событий — единой структуры не получить.

Текст-замысел (паранепротиворечивый текст) есть то, что невозможно ни прочесть, ни написать. Структура с авторефлексией деформированного, самозамкнутого текста. Ценность его — в возможности невозможного, в практике сомнения, в мучительном поиске, а значит и утрате, текста. Противоречивость описания миров не порождает сверхполноты, а события сплетены в

структуру, двойственную алгебре Хао Вана: обесмыслено пустое событие, при всех неблагоприятных (противоречивых) условиях что-нибудь да происходит.

Текст-след (немонотонный текст) есть то, что невозможно прочесть, но можно написать. Еще-не-структура незафиксированного, но релевантного текста. Полная неподготовленность к интерпретации — вот его ценность: практика письма безо всякой цели, безынтенциональное письмо — «письмо ни о чем». События его миров структурно соотносимы с алгеброй де Моргана, т. е. двойственной булевой: не предполагаются «особенные» события — ни пустое, ни универсальное. Описание миров, таким образом, ничем не обременено, не ограничено — оно по-настоящему произвольно.

Возможность апологии читателя

С алгебраической точки зрения ясно¹¹, что условия существования событий, выполнимые для *текста-следа* (алгебра де Моргана), выполняются и для остальных трех типов текстов. А для *текста-чтения* (булева алгебра) выполняются условия существования событий, выполнимые для всех остальных трех типов текстов. Таким образом, если основанием оценки выбрать многообразие функций художественного сознания, то за *текстом-чтением* останется приоритет: т. е. у читателя больше возможностей выбора среди своих практик — читать и перечитывать, дописывать и переписывать, быть с текстом и быть в тексте, измышлять и не задумываться. Однако может быть выбрано и другое основание для оценки. Ролан Барт, например, оставляет приоритет все же за *текстом-письмом*, может быть, лишь по причине утверждения самой возможности базисного различения и соответствующей типологии текстов: **классические/неклассические**. Правую часть этой оппозиции мы постарались уточнить, не отдавая по-настоящему приоритета ни одному из типов повествовательных текстов.

Приведенная базисная типология самих текстов и подходов к их анализу, безусловно, содержит в себе большие возможности генерирования многообразия. Однако неклассический анализ может как усилить неклассичность повествовательного текста, так и, в какой то степени, нивелировать его: например, интуиционистский анализ паранепротиворечивого текста или паранепротиворечивый анализ интуиционистского текста в каком-то смысле сохраняют видимость близости текста к классической структуре. Но эта классичность будет обманчивой, в ней играет роль баланс неоднородных структур. Например, при всей любви современной культуры к незафиксированным, немонотонным текстам, мы имеем множество примеров их классического анализа: справочники, классификации, коллекции и т. д. Другую, но сходную ситуацию можно продемонстрировать на примере того, что предметом самого свободного творческого исследования-порождения, сочетающего все возможности неклассических подходов, легко могут служить бесспорно классические тексты: научные, идеологические и др.

В сочетании практик письма/не-письма и чтения/не-чтения рождается основание для осмысленности многообразия практик аналитического исследования повествовательных текстов. Пейзаж в бобовом зерне — очень пластичный образ: восстанавливается ли подлинность имевшего места пейзажа, родного (в прямом смысле) для этого зерна; проходит ли шаг за шагом трудный путь аппроксимации, бесконечного приближения к более-менее адекватному образу этого пейзажа; сопоставляется ли серия взаимоисключающих пейзажных зарисовок, каждой из которых самой по себе недостаточно для рождения именно этого зерна; осознается ли, что бобовое зерно и само является пейзажем, не проекцией только, не результатом лишь, но полноценным Пейзажем? Что же происходит? В любом случае происходящее каждый раз зависит уже от того, *что* мы видим, какую структуру-содержание, как, впрочем, и от того, что мы *видим*, видеть — тоже структура, структура-утверждение. Исследование повествования — комбинирование структур, допускающее множественную множественность, но не упускающее возможность своей базисной, предварительной типологии.

Примечания

¹ Барт Р. S/Z. М., 1994. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Смирнов В. А. Логические методы анализа научного знания. М., 1987. С. 211—221; Smirnov V. A. Assertion and Predication. Combined Calculus of Propositions and Situations // Abstracts of 8-th International Congress of Logic, Metodology and Philosophy of Science. Moscow, 1987. Vol. 1. P. 333—335. См. также: Смирнов В. А.

Утверждение и предикация. Комбинированные исчисления высказываний и событий // Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик. М., 1989. С. 27—35; *Смирнов В. А.* Комбинирование исчислений предложений и событий и логика истины фон Фригга // Исследования по неклассическим логикам. М., 1989. С. 16—29.

⁶ *Васильев Н. А.* О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // Учен. зап. Казан. ун-та. 1910. Кн. 10. С. 1—47; *Васильев Н. А.* Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал м-ва нар. просвещения. 1912. Ч. 40. С. 207—246; Логика и металогики // Логос. 1912—1913. № 1—2. С. 53—81. См. также: *Васильев Н. А.* Воображаемая логика: Избранные труды. М., 1989.

⁷ *Brouwer L. E. J.* Intuitionism and Formalism // Amer. Math. Soc. Bulletin. 1913—1914. 20. P. 81—96; См. также: *Гейтинг А.* Интуиционизм: Введение. М., 1969.

⁸ *Łukasiewicz J.* O logice trójwartościowej // Ruch Filozoficzny. 1920. T. 5. S. 170—171. (Англ. пер.: On three-valued logic // *Łukasiewicz J.* Selected works. Warszawa, 1970. P. 87—88).

⁹ *Барт Р.* Указ. соч. С. 13.

¹⁰ См., напр.: *Сикорский Р.* Булевы алгебры. М., 1969.

¹¹ Алгебра $\langle \Pi; \cap, \cup \rangle$, т. е. непустое множество (в нашем случае — семейство событий) Π с двумя бинарными операциями \cap (пересечение) и \cup (объединение) на Π называется *решеткой*, если Π удовлетворяет следующим тождествам ($A, B, C \in \Pi$):

I. законы идемпотентности

$$A \cap A = A$$

$$A \cup A = A$$

II. законы коммутативности

$$A \cap B = B \cap A$$

$$A \cup B = B \cup A$$

III. законы ассоциативности

$$A \cap (B \cap C) = (A \cap B) \cap C$$

$$A \cup (B \cup C) = (A \cup B) \cup C$$

IV. законы поглощения

$$A \cap (A \cup B) = A$$

$$A \cup (A \cap B) = A$$

Решетка называется *дистрибутивной решеткой*, если выполняются следующие тождества:

V. законы дистрибутивности

$$A \cap (B \cup C) = (A \cap B) \cup (A \cap C)$$

$$A \cup (B \cap C) = (A \cup B) \cap (A \cup C)$$

Дистрибутивная решетка $\langle \Pi; \cap, \cup, \sim \rangle$ с унарным оператором \sim (дополнение) называется *решеткой де Моргана*, если выполняются следующие тождества:

VI. законы де Моргана

$$\sim \sim A = A$$

$$\sim (A \cap B) = \sim B \cup \sim A$$

$$\sim (A \cup B) = \sim B \cap \sim A$$

Решетка $\langle \Pi; \cap, \cup, \emptyset, U \rangle$ с двумя нульвыми операциями \emptyset (пустое множество) и U (универсальное множество) называется *ограниченной решеткой* (собственно алгеброй), если выполняются следующие тождества:

VII. законы ограничения

$$A \cap \emptyset = \emptyset$$

$$A \cup \emptyset = A$$

$$A \cap U = A$$

$$A \cup U = U$$

Алгеброй де Моргана называется ограниченная дистрибутивная решетка $\langle \Pi; \cap, \cup, \sim, \emptyset, U \rangle$ выполняющая тождества I—VII.

Мы имеем *алгебру Хао Вана*, если наряду с тождествами I—VII выполняется следующее тождество:

VIII. (a) закон непротиворечия

$$A \cap \sim A = \emptyset$$

Мы имеем *алгебру, двойственную алгебре Хао Вана*, если наряду с тождествами I—VII выполняется следующее тождество:

VIII. (b) закон исключенного третьего

$$A \cup \sim A = U$$

Алгебра называется *булевой алгеброй*, если выполняются все вышеуказанные тождества: I—VII, VIII (a), VIII (b).

Таким образом, булева алгебра является алгеброй Хао Вана и алгеброй, двойственной последней, и все перечисленные алгебры являются алгебрами де Моргана.